

© С.И. Иникова

**ЗАКАВКАЗСКИЕ ДУХОБОРЦЫ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
НА РОССИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ: ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ***

Статья посвящена исследованию процессов, происходящих в материальной и духовной культуре этноконфессиональной группы духоборцев, вернувшихся из Грузии на свою историческую родину в Россию.

Причинам и самому процессу переселения этноконфессиональной и локальной группы русских духоборцев из Богдановского (ныне Ниноцминдского) р-на Грузии, армянского по своему этническому составу, была посвящена статья, опубликованная в «Вестнике антропологии» (Иникова 2015), поэтому только напомним, что за период с конца 1989 г. по 2008 г. из Грузии выехали три группы духоборцев и основали в России три компактных поселения, причем все они были жителями одного самого большого селения – Гореловки. Духоборцы, массово выезжавшие в этот период из других селений, разъехались по России, не создав на новой родине сколько-нибудь значительных компактных поселений.

Миграция первой партии переселенцев (с 1989 г. и официально закончилась в 1995 г.) в опустевшее с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. стала результатом поднявшегося в Грузии националистического движения. Ответной реакцией на грузинский национализм был взлет этнического самосознания в среде духоборцев и желание жить среди своего народа.

Выселение второй группы в начале 1999 г. в пос. Мирный Клетнянского р-на Брянской обл. стало результатом сложного экономического конфликта: с одной стороны, между членами «Общины русских духоборов Грузии», созданной из оставшихся на месте гореловцев на базе гореловского колхоза, и армянами района, стремившимися к переделу собственности; с другой стороны, – внутри самой Общины. Часть духоборцев, не видя возможности для дальнейшего проживания в Гореловке, выехала в Россию. Экономическая подоплека этого двойного конфликта несколько снизила, по сравнению с первой группой, градус подъема этнического самосознания.

Оставшиеся в Гореловке духоборцы оказались уже не хозяевами своего села, заселенного армянами, и были поставлены перед выбором: либо они интегрируются в новое грузино-армянское общество, либо уедут в Россию. Духоборцы попытались адаптироваться к новой ситуации, однако почти все уже имели ранее выселившихся в Россию близких родственников, чувствовали какую-то неопределенность своего положения и бесперспективность дальнейшего проживания в Грузии. У третьей партии не было ни особенного взлета этнического самосознания, ни острого конфликта с иноэтничным окружением, ни стремления улучшить свое экономическое положение, поскольку все имели большие хозяйства и были хорошо обеспечены. Их переселение в 2007–2008 гг. в пос. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. было логическим завершением общего процесса, начавшегося в 1989 г.

Все три группы различались по численности: первая волна миграции была самой массовой, только из Гореловки выехало около тысячи человек, но в Архангельском обосновались около 750 человек*. Численность второй группы была триста, третьей – менее трехсот человек. Во всех трех группах было много молодежи. Средний возраст переселенцев, например, в с. Архангельское на 1992 г. составил 31 год (ЧМА). Изначально разная мотивация трех волн миграции, разная численность групп и их возрастная особенность сказались на адаптационном процессе переселенцев на новых местах.

Миграция жителей одного села тремя волнами в разные районы Европейской России могла бы стать моделью для изучения разнофакторного влияния на процесс

* Эта цифра, очевидно, завышена.

адаптации, если бы не временной разрыв в 18 лет между первым и последним переселениями. В масштабах истории это короткий период, но за эти годы распалась страна, изменился политический и экономический строй как в России, так и в Грузии, все постсоветское пространство включилось в ускорившийся процесс глобализации. За 18 лет изменились не только внешние условия, но и сами духоборцы.

Хозяйственно-бытовая адаптация

Хозяйство переселенцев

Переселенцы первой волны выехали из глубинки и попали не в столь отдаленное, но заброшенное село с отсутствующей инфраструктурой. 10 января 1991 г. по инициативе духоборцев в с. Архангельское был создан колхоз. Чтобы подчеркнуть свое единство и приверженность коллективистским традициям, его назвали колхозом-общиной и присвоили имя Л.Н. Толстого. В начале 1990-х гг. в колхоз-общину поступило 100 единиц новейшей техники, заработал сырозавод, колбасный цех, пекарня, были построены фермы.

В отличие от Закавказья, где духоборцы, прежде всего, занимались животноводством, на новом месте их хозяйству было задано зерновое направление, а молочное животноводство играло второстепенную роль. Все специалисты созданного колхоза: председатель, агроном, бригадиры, были из числа переселенцев, но плюсом было то, что первый, 1990-й год, пока еще не было своего хозяйства, из жителей Архангельского создали филиал соседнего колхоза, и некоторый опыт работы в новых условиях был получен. Планы и сроки спускали сверху, поэтому на вопрос трудно ли было работать в новых условиях, бывший полевод, в силу сложившихся обстоятельств проводивший первую посевную, ответил: «Какая разница! Земля есть земля».

Хозяйственная адаптация прошла легко и как-то, по словам людей, незаметно. Единственной неудачей первых лет стала попытка разведения яблоневого сада при въезде в село, но связана она не столько с неумением, сколько с отсутствием возможности заниматься в тот сложный период еще и садом, и за зиму мыши свели усилия садоводов к нулю. Но сама идея создания коллективного сада была знаковой: людям хотелось окружить себя тем, чего они были лишены на прежнем месте жительства, показать противникам переезда преимущества нового места.

В первое десятилетие после переселения женщины с азартом взялись за выращивание на своих огородах огурцов, помидоров, кабачков, болгарского перца и баклажанов, некоторые пробовали выращивать дыни и арбузы. Огородничество было новым занятием и помимо желания улучшить материальное положение семьи и не отказываться от привычных овощных блюд кавказской кухни, оно вызывало у людей большой интерес как всякое новое занятие. В условиях высокогорья в Богдановском р-не Грузии в открытом грунте мало что росло, а заниматься теплицами людям было некогда, тем более что с 1970-х гг. все привозили из других районов Грузии и из Армении, как говорят духоборцы, «к порогу». Вспоминая те годы, духоборки села с благодарностью говорят о местных жителях, которые учили их выращивать рассаду, сажать и ухаживать за посадками.

Одновременно с домами на усадьбах строили сараи для скота. Как только духоборцы вселялись в дома, тут же в сараях появлялись свиньи и птица. Некоторые, еще проживая в вагончиках, обзаводились живностью. В 1992 г. люди бесплатно получили от государства коров. В первой половине 1990-х в Архангельском было 300 голов дойных коров. Духоборцы привезли с собой электрические и механические сепараторы, и это поразило местных жителей, которые о таком даже не помышляли. Поскольку молоко и его

производные всегда занимали большое место в питании духоборцев, то и на новом месте они стали делать не только творог и сметану, но и сыр, главным образом, *чичиль*, «мазун» (мацони) и сливочное масло.

Чичиль делается из снятого молока и в готовом виде представляет нитеобразные длинные волокна. Духоборцы в качестве шутки рассказывают о том впечатлении, которое произвел их сыр на местное население, якобы говорившее: «Приехали сюда колдуны и из молока веревки вьют». Переселенцев, в свою очередь, удивило неумение местных русских перерабатывать молоко, что было расценено ими как непрактичность и лень. В начале 1990-х гг. духоборцы сделали попытку продавать чичиль на рынке в Черни, но спросом он не пользовался, поскольку местное население не знало такого сыра и воспринимало его как какую-то экзотику. Только уже в 2000-е гг. два хозяйства в Архангельском обзавелись несколькими коровами и взялись за производство волокнистого сыра, внешне похожего на чичиль, но изготавливаемого по новой технологии и более вкусного. Его стали делать под заказ и для покупателей из Москвы. В настоящее время таких хозяйств уже четыре и их продукцию покупают, прежде всего, жители своего же села, отказавшиеся держать коров.

В 1991 г. советская колхозная система была ликвидирована. По всей стране начался дележ колхозной собственности и земли на паи. Переселение из Гореловки продолжалось, и было не понятно, сколько человек приедет, кроме того, коллективное хозяйство находилось еще в процессе создания. Был еще один момент, связанный с ментальностью духоборцев и ставший причиной того, что переселенцы вообще остались без паев: в представлении духоборцев их коллективное хозяйство было больше, чем советский колхоз – это была Община, имущество которой не должно подлежать разделу. Аналогичная ситуация в 1990-е гг. повторилась в закавказской Гореловке: члены «Общества русских духоборов Грузии» не захотели взять в собственность выделенные на семью в ходе земельной реформы 1,25 га и оставили их в коллективном пользовании Общины. Тульские духоборцы отказались и от реорганизации колхоза-общины в сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК). Только в 1998 г. колхоз-община был перерегистрирован в СПК им. Л.Н. Толстого.

В 1990-е гг. духоборческий колхоз демонстрировал успехи по производству зерновых, свеклы, молока. Даже когда сократились государственные закупки, начались проблемы с финансированием и неплатежи, хозяйство хорошо обеспечивало людей продуктами. Зарплаты были маленькие и нерегулярные, но все надеялись, что большие заработки еще впереди. Молодежь работала на новой технике, в новых, хорошо оборудованных цехах и никто никуда не уезжал в поисках работы. Если кто и покидал село, то только потому, что строительство домов прекратилось, а проживание в вагончиках слишком затянулось. Последнее постановление Правительства РФ о продолжении финансирования духоборцев Чернского р-на было принято 1 мая 1996 г. № 532, а некоторые изменения внесены 28 декабря 1998 г. № 1557, но оно осталось невыполненным.

Ухудшение экономической ситуации в хозяйстве усугублялось начавшейся внутри духоборческой общины борьбой за лидерство. Последний руководитель СПК сумел очень быстро довести хозяйство до полного банкротства, и в 2007 г. СПК им. Л.Н. Толстого был ликвидирован. Земля хозяйства, так и не разделенная на паи, неизвестным образом сначала на 49 лет перешла в руки местной МТС, а потом, по последним данным, оказалась в руках банка «Авангард». Люди остались с 1 га земли в поле, которую в начале 1990-х гг. давали всем сельским домохозяйствам, и с приусадебным участком (дом, хозпостройки, огород): у одних он 12 соток (минимальный), у кого семья была большая, тем увеличивали размер, а в настоящее время у некоторых в руках оказались по несколько участков, доставшихся им от родственников.

Лет 20 назад огороды полностью засаживали картофелем и разными овощами, многие сажали картофель и в поле на своем гектаре в расчете на продажу или обмен, который процветал в 1990-е гг. В настоящее время некоторые используют эту землю для

покоса и только единицы пашут и сеют кормовые травы. Большая же часть этой земли, которую раньше обрабатывала колхозная техника, не используется вообще, поскольку нанимать трактор дорого, а сбывать продукцию – дешево, а сейчас и некуда. Прибыль почти не окупает затраченный труд и материальные вложения, но люди объясняют сложившуюся ситуацию еще и тем, что село постарело и работать некому.

Выпускники школы, поступавшие учиться в Тулу и Москву, не возвращались в Архангельское, хотя приезжали к родным на праздники и часто – на выходные. По мере быстрого свертывания хозяйственной деятельности СПК с начала 2000-х гг. выплаты в хозяйстве резко упали, а многие вообще лишились работы. С этого времени начался отток работоспособных мужчин на заработки. Большинство поехали в Москву и Подмосковье, где устраивались охранниками; меньшая часть – в Тулу.

Оставшиеся в селе семьи продолжали заниматься подсобным хозяйством, но его размер существенно сократился. Все заботы легли на плечи женщин, правда, «отходники» приезжали и помогали косить сено. Уменьшению скота в личном хозяйстве способствовало и изъятие у жителей села крупного рогатого скота и овец якобы больных бруцеллёзом¹. Хозяева получили компенсацию, но большая часть уже не захотела снова заводить рогатый скот. В 2013 г. в селе было 70 коров против 300 в первой половине 1990-х гг., а на июнь 2016 г. осталось 53 головы; овец держат всего несколько человек. Если посмотреть на другие селения Европейской России, в которых часто поголовье крупного рогатого скота исчисляется несколькими животными, то цифра в 53 головы уже не покажется совсем ничтожной. Несколько семей держат по 3 коровы и делают сыр на продажу. Недавно еще одна семья заработала средства на стороне и взяла в аренду старую ферму, закупила 16 дойных коров. За последние три года три хозяйства зарегистрировались как крестьянско-фермерские. Они арендуют муниципальную землю и ориентированы на молочно-мясное скотоводство, которым духоборцы занимались традиционно и которое можно вести при небольшом количестве земли и минимуме техники. На общем фоне полного и окончательного раскрестьянивания в Архангельском формируется мелкое фермерство. Если бы у людей были земельные паи, то, может быть, в этот процесс было бы вовлечено больше духоборцев, хотя не стоит преувеличивать стремление нового поколения к сельскохозяйственному труду.

В Архангельском в настоящее время немногим более 30 рабочих мест (школа, детсад, клуб, почта, администрация, два магазина и пекарня), остальное население – главным образом мужчины и одинокие женщины – работает в столице вахтовым методом. И хотя многие устали от многолетних поездок, плохих бытовых условий, но в среднем они получают 15–20 тыс. за две недели, а занятые в строительстве – больше, и, как показывают опросы, Москва сильно повлияла на отношение духоборцев к труду в целом и труду на земле в особенности. Люди почувствовали вкус другой жизни и очень высоко стали ценить деньги и блага, покупаемые на них.

Среди недавних вахтовиков появились обладатели московских квартир, для которых дом в Архангельском превратился в дачу. Некоторые работающие в Москве могут позволить себе отдых за границей. Надо отдать должное духоборцам: в тяжелых экономических условиях, а в их истории такое случалось неоднократно, они всегда находили способы заработать и жить обеспеченно, и на сей раз они приспособились к новым условиям, не спились и не пошли по миру.

Подобный в хозяйственном отношении, но более короткий по времени путь прошли духоборцы, переселившиеся в пос. Мирный Брянской обл. Они полагали, что здесь, на Российской земле, при помощи заинтересованного в их труде государства они воссоздадут экономически еще более сильную Общину, чем та, которая была у них в Грузии, и сохранят свою общность. Однако конец 1990-х был отмечен кризисом; коррупционность в стране была не меньше, чем в Грузии; а чиновники из разных переселенческих фондов норовили попользоваться средствами, выделявшимися на переселенцев.

Поскольку около Мирного не нашлось свободной земли сельскохозяйственного назначения в нужном количестве, то ее выделили на значительном расстоянии от поселка, что очень затрудняло хозяйственную деятельность. Духоборцы получили от фонда помощи соотечественникам стадо коров. Сами купили и отремонтировали старую пилораму и начали производить пиломатериалы. Канадские духоборцы оборудовали для них небольшую пекарню. Сельскохозяйственная продукция в те годы стоила копейки, и выручка не покрывала затраты. Люди получали зарплату молоком, телками. К тому же, полученные коровы оказались больными, и их пришлось сдать; запустить пекарню на полную мощность так и не удалось из-за отсутствия достаточных оборотных средств, которых не хватало даже на оплату электричества; лес за миллион рублей, взятый на корню в кредит для пилорамы и деревообрабатывающего цеха, «неизвестные» спилили и увезли, и в результате, за долги по кредиту у Общины забрали технику, после чего она была ликвидирована.

Общие экономические трудности в стране, череда «неприятностей» и недоброе отношение районных властей к переселенцам с самого начала не позволили поставить хозяйство на прочную основу. Через несколько лет после переселения, устав от ожидания и безденежья, мужская часть духоборцев потянулась на заработки, и, прежде всего, ехали в Москву. На месте остались женщины, пенсионеры и те, кто смог устроиться на работу в поселке или где-то поблизости.

Духоборцы, живущие в коттеджах, получили по небольшому огороду сзади дома, а живущие в многоквартирных домах – участки на окраине поселка. Некоторые сразу же завели коров, поросят, огороды, но постепенно таких хозяев становилось все меньше, особенно по мере свертывания коллективного хозяйства и ухода людей на заработки.

Духоборцы последней, третьей, миграционной группы к моменту выезда из Грузии имели мелкотоварные хозяйства молочного направления и сдавали молоко на сельские сырозаводы. Когда они решили переезжать в Россию по программе переселения соотечественников из зарубежья, то желание принять их изъявили руководители Липецкой и Тамбовской областей. И там, и там им отводили роль сельскохозяйственного пролетариата, и никакие земли для коллективного хозяйствования никто не предлагал, поскольку свободных земель в нужном количестве уже не было. Выбор у духоборцев был не велик: работа в свиноводческом комплексе в Липецкой обл. или в плодоовощном хозяйстве в Тамбовской. Духоборцы выбрали второй вариант. Переселенцы и не выказывали желания организовать на новом месте коллективное хозяйство. Духоборческие трудовые коллективистские традиции у этой группы были уже если не утрачены, то существенно подорваны, да и лидера, за которым переселенцы пошли бы, не оказалось. Для занятий фермерством у людей не было ни начального капитала, ни деловых контактов и связей с местными чиновниками, и все по опыту своих ранее переселившихся родственников уже знали, что в России много проще и денежнее что-нибудь охранять в Москве, чем что-то производить.

Заработки в плодоовощном хозяйстве ООО «Снежеток», расположенном рядом с Малым Снежетком, около которого в пос. Новый поселили духоборцев, для людей, привыкших к обеспеченной жизни, как и следовало ожидать, оказались низкими (обычно «на клубнике» 5 тыс., в сезон 7 тыс., трактористы получают в среднем в течение года 10–12 тыс. руб.); да и сбор клубники или борьба с мышами вряд ли могли стать привлекательными занятиями для современной молодежи. Многие молодые мужчины, прожив необходимые по условиям переселения два года на новом месте, потянулись на заработки.

Приусадебный участок при доме на семью составляет 40 соток, а на хозяина однокомнатной квартиры в четырехквартирном доме – 10 соток. Поскольку ООО «Снежеток» специализируется на выращивании клубники и яблок, то и духоборцы обзавелись саженцами плодовых деревьев, многие на огородах посадили и выращивают

клубнику и сдают приезжим скупщикам. Для себя люди сажают картофель, излишки реализуют, выращивают разные овощи для своего стола.

На весь поселок только один хозяин до недавнего времени держал корову, единицы завели коз, некоторые держат одного – двух поросят, кроликов, птицу, но в очень ограниченном количестве. На вопрос, почему не заводят коров, обычно ссылаются на здоровье и отсутствие кормов, прежде всего хорошей травы. После буйного разнотравья субальпийских лугов тамбовская растительность произвела на людей печальное впечатление. Хозяйка единственной в поселке коровы рассказывала: «Мы не знали, что такое корове домашней дать комбикорма, мы не знали, что такое подкорм (имеют в виду в Гореловке – С.И.). Что траву наедятся, то и молоко. И зимой это же сено. Ничем не посыпали. А тут два раза на день по тазику (комбикорма – прим. С.И.) даем. Если не дашь, она молока не дает. – Мы сюда приехали, телка купили. Я бегаю, шукаю, где хорошей травы сорвать» (ПМА 1).

Многие говорят, что не хотят возиться с хозяйством, так как могут пойти и все купить в Малом Снежетке или райцентре: «Поеду в Первомайск, там по 170–200 руб. килограмм свинины. Я куплю, в холодильник положу, вот наш поросенок. Там в “Магните” очень хороший фарш куплю, кур охлажденных куплю. Творог ко двору привозят по 120 руб. килограмм. Здесь возит фермер. За газ, свет заплатим, все купим. Они (молодые члены семьи – прим. С.И.) уезжают в Москву, а я сказала: “На клёп (зачем – С.И.) мне этот поросенок нужен и эта корова!?”» (ПМА 2).

Хотя и из покупного фермерского молока хозяйки иногда делают чичиль или мазун, но молочных продуктов в рационе стало заметно меньше и чаще покупают их готовыми. Также меньше в рационе стало фруктов или, правильнее сказать, выбор их стал значительно уже.

Зная предприимчивость духоборцев и то, что в Грузии они успешно занимались крестьянско-фермерским хозяйством, нельзя исключить, что в их среде еще появятся люди, может быть, всего один – два человека, которые захотят опять серьезно взяться за сельское хозяйство, рассчитанное на рынок. Остается только сожалеть, что трудовой потенциал, заложенный в духоборческой общности, для которой сельский труд традиционно считался самым достойным занятием, оказался не использован.

Вопрос о хозяйственной адаптации можно ставить только применительно к «тульским» духоборцам, поскольку на их долю выпал хотя бы небольшой период времени, когда они имели возможность работать на земле, проявить себя и добиться результатов. Их хозяйственную адаптацию на новом месте можно считать состоявшейся. Главная причина того, что «тульским» духоборцам не удалось удержать свое коллективное хозяйство на достигнутом высоком уровне, а «брянским» – создать более-менее стабильную экономическую организацию кроется в том экономическом и политическом хаосе, в котором жила вся страна.

Другой причиной являлось упорное стремление духоборцев воспроизвести на новом месте и в новых условиях привычные для них формы организации коллективного труда. Они не смогли вписаться в новую постсоветскую экономику, но не одни они: банкротство по всей стране преобразованных в СПК колхозов в 1990-е и начале 2000-х гг. было самым обычным явлением и среди более сильных хозяйств, как и отъезд работоспособных мужчин на заработки в города.

Жилище

Духоборцы приезжали из Грузии в Архангельское группами, селились в вагончиках и включались в строительство села и работу в колхозе. Жилье получали в порядке очередности. Дома в Архангельском строились из панелей без всяких изысков, главной задачей было скорейшее вселение в них людей. Всего за счет государства было построено 147 домов. Духоборцы получали жилье бесплатно, но оно числилось на балансе колхоза, и только 5–6 лет назад они начали приватизировать его. В середине 1990-х гг.

финансирование строительства жилья фактически прекратилось, и кто-то строил на свои деньги или ремонтировал купленные старые дома, а кто-то так и не дождался своего жилья. Небольшая группа переехала на жительство в г. Ливны Орловской обл., где они получили бесплатное жилье.

Первое десятилетие, несмотря на асфальт и молодые посадки, ровные ряды типовых домов в Архангельском производили тоскливое впечатление. Постепенно они обрастали крылечками, верандами, появились красивые заборы и ухоженные палисадники, но на все это ушло почти 20 лет. В оформлении пространства усадьбы и интерьера жилища явственно видно желание хозяев следовать современным городским стандартам и рекомендациям глянцевого журналов.

Работающие в столице духоборцы получили материальные возможности красиво и качественно обустроить свое жилище и свой быт. Просторные гостиные или залы, как их называют, обклеенные красивыми обоями, обставлены современной мебелью; кухни хорошо оснащены техникой, но где-нибудь в задней комнате обязательно стоит одна или две кровати, на которых громоздятся несколько перин, одна–две горки из разновеликих подушек, покрытых ажурными накидками, купленными еще в 1950–1960-е гг. На этих металлических кроватях, обычно сделанных на заказ больше чем полвека назад, – тогда такую роскошь в магазинах не продавали – никто не спит, но это, с одной стороны, способ хранения большого количества привезенных из Закавказья перин, подушек и стеганых шерстяных одеял, а с другой, символ прежней жизни и прежняя гордость каждой хозяйки. Такие кровати есть в домах, где живы старшие члены семьи.

Переселенцы везли с собой некоторые, уже вышедшие из употребления предметы домашней утвари вроде «маминой маслобойки» или ступки для размола соли, старую, еще родительскую одежду, т.е. то, что было для них значимо, и что рука не поднялась выкинуть. Одна семья сняла со своего дома и привезла с собой металлические сварные детали, украшавшие козырек крыльца, металлические перила и установила их на новом доме, чтобы эти, когда-то модные детали декора, хотя бы чем-то напоминали прежнее жилище. Другая семья построила дом своими силами и его облик очень напоминает традиционное жилище закавказских духоборцев с «балхоном» (балконом). И еще один хозяин украсил свой дом и калитку во двор деревянными деталями, характерными для традиционного духоборческого жилья. Пожалуй, только эти три дома внешне напоминают о том, откуда приехали их хозяева.

В Мирном жилье строили для переселенцев из загрязненных аварией на Чернобыльской АС районов; что-то успели сдать и заселить, а большую часть законсервировали из-за отсутствия средств. Под поселение духоборцев из бюджета были выделены деньги, но их не хватило, поэтому достраивали за счет переселенцев.

В пос. Новый духоборцы получили бесплатно дома под ключ и вполне приличные подъемные деньги на обзаведение. «Заявителями», т.е. представителями семей выступали люди молодого и среднего возраста, остальные проходили по документам как члены их семей. Молодежь постаралась сразу купить современную мебель и устроить свой быт на новый лад, а пуховые перины и проч., даже если они были привезены, старались убрать подальше. Коттеджные дома в Мирном и Новом имеют законченный современный внешней облик и внутреннюю планировку и отделку. Они ничем не отличаются от домов и квартир остальных жителей поселков, и, попадая туда, трудно даже догадаться, что там живут потомки закавказских духоборцев.

Психологическая адаптация

Восприятие духоборцами русских в России

Духоборцам, как представителям этноконфессиональной группы, всегда было свойственно двухуровневое самосознание – конфессиональное и этническое. Называя себя духоборами / духоборцами, выделяя и отделяя себя от остальных русских, в сложные

периоды истории они заявляли о своем единстве с русским народом. Пройдя советскую школу, духоборцы послевоенных поколений, прекрасно знали, что они русские, а по вере отцов – духоборцы, хотя перед посторонними, приехавшими в Гореловку, бравировали своим духоборческим происхождением. Люди старшего поколения обычно говорили, что они вначале духоборы, потом русские или русские духоборы. Свое возвращение в Россию переселенцы, прежде всего первой волны, мотивировали желанием жить среди русских, которых они, прожив всю жизнь в Духобории² фактически и не знали. Впечатления от встречи с русскими в России у трех миграционных волн несколько отличаются.

«Тульские» духоборцы, приехавшие в Россию 25 лет назад, значительно лучше отзываются о русских в России, чем те, кто приехал позже. В Архангельском оставалось мало жителей, и они были даже рады приезду переселенцев и возрождению села. Духоборцы с благодарностью вспоминают, как они приносили для детей молоко и картофель, хотя из других сел в автобусе кто-нибудь мог сказать известную и обидную фразу: «понаехали тут». В настоящее время малочисленное старожильческое население как-то незаметно и мирно живет среди духоборцев, хотя применительно к ним переселенцы употребляют слово «местные», когда хотят подчеркнуть свою отличность от них, а о духоборцах говорят «наши».

В Мирном «местные» сами были переселенцами из загрязненных радиацией районов Брянской области. Но в первый же год кто-то сжег сено, заготовленное духоборцами для коров Общины, а жители окрестных селений при случае тоже произносили ту же сакраментальную фразу. По прошествии 6–7 лет после переселения, когда лидер Общины духоборцев попыталась выдвинуть свою кандидатуру на пост главы Клетнянского района, ее оппоненты подняли крик, что к руководству рвется «лицо кавказской национальности». Однако эти отдельные случаи не вылились в комплекс каких-то обид на местное население; скорее духоборцы адресуют их к руководителям района. В разговоре духоборцы Мирного сравнивают свои обычаи и представления с аналогичными у «местных», как они называют все недухоборческое население поселка, но в этом сравнении нет негативного оттенка, более того, «местные» часто выступают носителями информации, интересной или полезной для духоборцев, в особенности, хозяйственной.

А вот «тамбовским» духоборцам уже на этапе подыскания места для поселения пришлось столкнуться с откровенной враждебностью старожилов. Жители села Старое Клёновское, в общежитие которого первоначально хотели поселить первую группу приехавших, встретили их в штыки. Разговоры о том, что это какие-то опасные сектанты переплетались со слухами, что это и есть те самые курды с Кавказа, которых один из депутатов областной думы предложил вселять в опустевшие тамбовские села. Такое предложение действительно было, и об этой инициативе сообщала пресса, но о ней все забыли. Однако известие о приезде переселенцев из Грузии дало людям повод считать, что речь идет о курдах. И хотя потом в районе стало известно, что переселенцы – русские люди, но за глаза духоборцев долго называли «курдами»: «Вот в Первомайск мы поехали. Наши же берут мешками, и мы тоже. Килами мы не покупаем. И продавцы: “Курды всё разобрали”. Нас “курды” называют. Сейчас уже все нормально, в маршрутке здороваются» (ПМА 3).

Безусловно, администрация области должна была провести подготовительную работу и заранее проинформировать жителей, кто такие духоборцы. Когда представители духоборцев приехали в Малый Снежеток, в клубе собрали собрание, чтобы представить их местным, и духоборцы до сих пор вспоминают, как жители ругали и оскорбляли их. И потом местные при каждом удобном случае попрекали переселенцев, что они приехали на все готовое: «У нас дома валяются, а вам дома повыстроили» (ПМА 2). Духоборцы, работавшие в плодовоовощном хозяйстве, поначалу ощущали откровенную отчужденность остальных рабочих.

Сейчас духоборцы пос. Новый нормально общаются с местными жителями на работе, на улице, но у многих осталась обида, которая постоянно выплескивается, когда речь заходит об их жизни в России, хотя некоторые, вспоминая свое негативное отношение к вселению армян в Гореловку, пытаются оправдать жителей Клёнского р-на и Малого Снежетка: «Когда к нам приезжали армяне, мы тоже ругались на них: “понаехали тут”. И у них такая же реакция. Они не пускали, из Клёнского с вилами выходили: “Они сектанты, бородатые все”. В Клёнское не пустили. Теперь видят, что мы работающие, простые» (ПМА 4); «Не были рады они. И перекрывали [дорогу], и все. Сейчас и друзья, и товарищи. Всё нормально. Ну, кому по мысли было, когда к нам погинские (армяне из с. Пога поселились в Гореловке – *С.И.*) приезжали? Так что так же. И они не знали, кто мы. Даже и не думали, что русские. Теперь познакомились» (ПМА 5).

Духоборцы-переселенцы третьей волны акцентируют внимание на отрицательных чертах у российских русских, но, очевидно, не последнюю роль в этом сыграл первоначальный прием, оказанный им местным населением. Российские русские показались им негостеприимными. Неприятно их удивила развязность молодежи, ее неуважение к старшим в сравнении с духоборческой и особенно кавказской молодежью, и нецензурная лексика в общественных местах: «Как эти (местные – *С.И.*) вот ругаются. Без мата слова нет. Мать, отец, кто они – напрямую гнуть. Невозможно. Если зайдешь в автобус, в район ехать, уши завянуть, пока доедешь. У нас так чтобы на каждом слове мат, – нет. А у них невозможно без этого» (ПМА 2). Надо отметить, что духоборцы-переселенцы первой волны тоже в свое время отмечали обилие нецензурной лексики, как одну из неприятных сторон российского быта.

Поскольку со времени переселения «тамбовских» прошло сравнительно мало времени, в разговоре с ними постоянно звучало противопоставление: «мы» и «они», «у нас» и «у них», они говорят «у нас там» и «здесь», и мои собеседники сами замечали это за собой: «Мы говорим: “У нас там дома, у нас там дома”, как будто тут мы в гостях. Семь лет будет в декабре, восьмой пойдет» (ПМА 6).

Тоска по родине

Переселение для каждой из трех партий духоборцев стало рубежом, разделившим их жизнь на «до» и «после». И чем длиннее у переселенца период «до», тем тяжелее принять новое место жительства, даже если это историческая родина и кругом твой народ. Гимном закавказских духоборцев еще в Грузии стала песня «Синий курган» на стихи тбилисского поэта и журналиста Григорьева, написанные им под впечатлением от посещения в 1980-е гг. духоборческих сел Джавахетии. Исполнение этой песни в Архангельском, Мирном или Новом обычно вызывало у слушателей слезы. «Мы поем третью часть этой песни («Синий курган» – *С.И.*). Она такая мелодичная. Где-то когда-то здесь запели ее, и духоборы плакать стали. Родина есть родина», – говорил человек, который поддержал переселение и приехал в Архангельское в первых рядах (ПМА 7).

1990-е годы и начало 2000-х ознаменовались потоком ностальгической поэзии. Духоборцы писали и переписывали друг у друга, заучивали наизусть несовершенные, но очень трогательные, иногда надрывные стихи об оставленной родине. Стоит их проанализировать, чтобы понять, утрата чего больше всего разрывала сердца людей.

Почти все, ходившие в народе стихи принадлежат перу мужчин, которым на момент написания было 50–60 лет, и все они люди, далекие от религии. Поэтому в их произведениях нет упоминаний об оставленных в Грузии духоборческих святынях. Возможно, если бы стихи вышли из-под пера религиозных людей старшего возраста, то содержание их было бы другим, но старики стихов не сочиняли. И только в стихотворении, написанном пожилой женщиной, иногда посещавшей моления в Сиротском доме, есть такие строки:

Как забыть нам те местечки,

*Где святостью они полны,
Сиротский дом, где мы молились,
И как поются там псалмы.*

В стихах этого периода отсутствует упоминание о материальных потерях, казавшихся духовборческим поэтам слишком мелкими и не заслуживавшими поэтического осмысления, хотя эти потери были велики. Иногда символом родины выступает образ опустевшего дома, в котором уже никогда не соберутся разлетевшиеся по свету духовборцы. Но главным объектом внимания авторов таких стихов являются луга, покрытые цветами, родники, могучие горы, т.е. окружающая их до переезда природа, на фоне которой протекала жизнь. Приведу несколько примеров:

*...Снятся твои мне чудесные дали,
Горные кряжи, озерная гладь.
Разве ж я думал тогда, уезжая,
Что буду по вам так скучать.*

*Мне снится Кипучий родник.
Вода в нем как речка струится,
Как будто бы к ней я губами приник,
Чтоб вкусом ее насладиться.*

*Вспомнил Гореловку с болью сердечною,
Речку свою в родниках.
Вспомнил далекое детство беспечное,
Коней да скачки в лугах...*

*...Любимый край, моя земля,
Тебя во сне я только вижу.
Судьбу-разлучницу свою
Порой я просто ненавижу.*

*Зачем забросила меня
Ты в край лесов, болот да гнуса.
Лишившись гор, старею я,
А в мыслях всё к тебе стремлюся...*

*...Хоть жить мы здесь не захотели,
Но наших гор забыть нельзя.
Как под этими горами
Луга зеленые в цвету,
Скотина топчет их ногами,
Пастух, шагающий к пруду.
Рядом с этими горами
Стоит задумчивый курган.
До половины он в тумане,
Сказать он хочет что-то нам...*

В одном из таких стихотворений, ставшего песней, перечисляются объекты природного ландшафта, получившие названия и вписанные в хозяйственную и культурную жизнь многих поколений духовборцев Грузии:

*Джавахетия родная, мой родимый край,
Балки, реки и озера, дикий Куран-чай.
Там родник течет Кипучий из скалы седой,
А вдали курган могучий в дымке голубой.*

*На горах Казачьей балки море лопухов,
В качерлюшках, бисеринках аромат лугов.
Тут и балка Бугаева и Сапог Кривой,
И поляна Петрусова поросла травой.
Холодна вода в Корытах, все здесь в родниках,
И Абул, платком покрытый, синий в облаках...*

В прошлое уходят события и люди, и это воспринимается как данность жизни, которую никто не может изменить. Они остаются в памяти каждого независимо от того, где он живет. Но горы, луга, родники и т.п. – это то, что существует вечно и неизменно (по крайней мере, так воспринимается), что было в прошлом и будет существовать всегда, но в будущем переселенцев этого уже никогда не будет. Поэтому всю эту ностальгическую поэзию надо скорее расценивать, как тоску по уже никогда не могущему состояться будущему, заданному всей прежней жизнью, запрограммированному в умах и сердцах духовборцев и вдруг утраченному.

Известно только одно стихотворение, автор которого – житель Архангельского – воспел луга и березки новой родины. Однако он давно покинул Гореловку и до приезда в Архангельское уже много лет прожил в России:

*Когда я вспоминаю жизнь иную,
Теперь сравнить с архангельской могу,
Неповторимый край, траву зеленую,
В которой я купаюсь на лугу.
А утром, как встаю я на рассвете,
Иду я на зеленый тот лужок.
Поверьте мне, что нигде на свете
Не отыскать прекрасней уголок.
Иду я, заморожен, вдоль березок.
Они поклоны дарят в мою честь.
И знаю я, что жизненный отрезок
На том лугу и мне отмерян есть...*

Старики, приехавшие в Архангельское по настоянию своих детей, так и не привыкли к новым местам. Они жили и уходили из жизни с неосуществившейся мечтой когда-нибудь вернуться на родину, причем считали ею вовсе не Грузию, а свою Духоборию. Старик-певчий со слезами на глазах вспоминал, какая там была необыкновенная вода: «Я так плачу щас, кабы этот колодец... Умираю. Хоть бы уехать туда бы» (ПМА 8). «Начнется весна, какие цветки там! Лопухи растут. Какие хорошии, белаи. Выйдешь в степь, пахнет скрость. И качерлюшечки, и бисериночки. Расстаться нельзя. Вот тут ничего этого нету», – с грустью говорила 94-летняя духовборка, прожившая к тому времени в Архангельском 14 лет (ПМА 9).

Те, кто выехали, когда им было 25–35 лет и моложе, быстро привыкли к новому месту, хотя первое время им, как и старшему поколению, очень не хватало гор и альпийских лугов. Многие из моих собеседников в Архангельском, которым сейчас за 50, говорят, что у них ощущение, как будто они здесь жили всегда. Им нравится среднерусская природа и село, но некоторые признаются, что во снах часто видят себя в Гореловке.

Многие переселенцы хотя бы один раз съездили туда, главным образом, чтобы посетить кладбище. Тема брошенных родительских могил и чувство вины перед предками тоже постоянно звучит в поэзии и разговорах переселенцев:

*...И всё стоят перед глазами
Могилы братьев и отцов.
Пред ними станем на колени,*

И пусть простят нас, подлецов.

За эти 25 лет в Архангельском выросло поколение людей, которые считают Россию своей родиной и только по рассказам знают о жизни духоборцев в Закавказье. В настоящее время поток ностальгической поэзии у «тульских» и «брянских» духоборцев иссяк, но ностальгические переживания, еще свежи среди старшего поколения пос. Новый. На мой вопрос к 70-летней духоборке, приехавшей вслед за сыном и его семьей: Вы уже привыкли здесь? – услышала ответ: «Как собака к палке привыкает, так и мы, – и добавила об остальных членах семьи, – они молодые, им все хорошо» (ПМА 2). Духоборец из с. Орловка, примкнувший к третьей гореловской группе, до сих пор очень остро переживает переселение: «Я нигде не был. В Тбилиси два раза был. И сюда не хотел. Мне нету интереса, дальше этой полосы (лесопосадка за огородом – С.И.) никуда не ходил. Не хочу. А там я усталый, но чтобы не видел своего месту!? Каждый камень помню, каждый ровчаг помню, каждую месту помню, каждого человека. Вот их уже давным-давно нету, а снятся. <...> И это еще спасибо: все мы здесь духоборы» (ПМА 10).

Многие переселенцы во всех трех группах, в качестве положительного момента, существенно облегчившего их жизнь на новом месте, отмечают компактность поселения: «Знаешь чего? Нам не заметно здесь, то (потому – прим. С.И.) что мы все свои. Мы как будто в Гореловке. Вовремя уехали мы. (А вы не жалеете, что переехали?) Нет. Ну, чтоб мы там делали?! Ни газа, ни света, ничего... под старость. Все армяне. С кем там жить?!» (ПМА 11); «Мы, как приехали, сразу все на работу пошли, свои, все с поселка, молодежь, и я не заметила, что в чужой стороне» (ПМА. 12). И спустя 25 лет от некоторых, когда-то самых непримиримых противников первого переселения, довелось услышать слова сожаления, что не поехали тогда в «Тулу»: «Надо было вместе с архангельскими. Чуть бы пораньше, а судьба...» (ПМА 5).

Отношение к давно состоявшемуся переселению и степень удовлетворенности своей жизнью являются показателями адаптации духоборцев в России, но оно зависит не только от качества жизни, но и от срока проживания на новом месте. Закономерно, что «тульские», прожившие в России 25 лет, говорят о правильности принятого ими решения и отзываются о своей жизни в России значительно позитивнее, чем «брянские» и особенно «тамбовские» духоборцы.

Изменения в поведении духоборцев-переселенцев

Духоборцы среднего и старшего возраста из всех трех групп, имеющие возможность сравнивать ту, закавказскую, и эту, российскую, жизнь, отмечают изменения, которые произошли за это время в их сообществе. Переселенцы первой волны считают, что в России мужчины, а порой и женщины их села в 1990-е гг. стали больше пить, а молодежь утратила былое уважение к старшим. Возможно, переселение, которое было тяжелым стрессом, сказалось на людях, особенно на молодежи. Из-за того что в группах переселенцев было мало стариков, в сообществе ослабел контроль, поскольку именно старики следили за соблюдением принятых у духоборцев норм поведения и формировали общественное мнение, хотя, следует отметить, ослабление контроля было заметно еще в Гореловке. В 1990-е гг. алкоголизм стал большой, чуть ли не национальной проблемой для всей страны, поэтому если здесь и есть какая-то зависимость между чрезмерным употреблением спиртных напитков и переселением, то трудно определить ее степень.

Жительница Архангельского на вопрос, есть ли изменения в характере, поведении людей, ответила: «Изменились и не в лучшую сторону. Черствость, уже нет той открытости, взаимовыручки, поддержки. Если похороны, свадьбы, то помогают. Обслужить надо, то помогут» (ПМА 13). Многие говорили о закрытости и обособленности, ранее не свойственных духоборцам. В духоборческих селах в Грузии люди активно участвовали в разного рода собраниях, встречах и концертах, в каждом селе

была хорошая самодеятельность. В настоящее время никакой общественной жизни в селе нет, разве что похороны и поминки, на которые еще приходит много народа. Глава сельской администрации Архангельского жаловался, что на собрания жители не являются, даже если он всех предварительно обзванивает и приглашает. И, как рассказывала жительница Архангельского, «раньше, когда приехали, общались. Или эти трудности были? А сейчас зажили... Даже по самодеятельности вижу. Такой хор здесь был. Молодые-то есть. Раньше ходили. Я постоянно была в самодеятельности. Сейчас совсем мало. Пассивные стали. Телевизора раньше не было, а сейчас сериалы» (ПМА 14).

На улицах Архангельского теперь очень редко можно увидеть стариков, сидящих на скамеечке у ворот, а в праздник уже не встретишь нарядных, гуляющих по улице людей. Духоборцы сетуют, что «молодежь совсем не та», «она в наушниках, с телефонами». Некоторые говорят, что люди стали ставить на первое место деньги, а все остальное потом. На появившуюся отчужденность жаловались «брянские» и «тамбовские» духоборцы.

Все эти замечания полностью совпадают с тем, что можно было услышать от жителей в любой российской деревне в конце 1990 – начале 2000-х гг.: замкнутость, отсутствие интереса к общественной жизни, индивидуализация досуга, выдвигание материальных интересов на первое место. Эти изменения происходили в масштабах всей России, а не только среди духоборцев.

Крайне отрицательно на духоборцев повлиял переход от коллективных способов труда к индивидуальным, способствовавший развитию индивидуализма. Негативно на них сказался и разрыв социальных связей. Гореловские духоборцы входили в возрастные товарищеские компании, члены которых не только гуляли вместе на праздники, но помогали друг другу в любых жизненных ситуациях. При переезде эти связи оказались разорваны, и хотя в Архангельском некоторые компании оказались представлены тремя – четырьмя парами и пытались возобновить прежнюю дружбу, но эти попытки быстро закончились ничем. И в настоящее время все замкнулись в кругу своих семей и близких родственников. Как социальная организация, духоборческое сообщество Архангельского в своем прежнем виде в начале XXI в. практически перестало существовать.

Культурно-религиозная ситуация

Между первым и третьим переселениями пролегает отрезок времени в 18 лет, т.е. «тамбовские» на 18 лет дольше жили в иноэтничном окружении в высокогорной Грузии, и если «тульские» прожили в России 25 лет, то «тамбовские» всего восемь, так что теоретически последние на сегодняшний день должны были бы лучше сохранить свою культуру. Однако на деле степень культурно-религиозной утраты у «тамбовских» духоборцев оказалась больше, чем у «тульских».

Очевидно, одна из причин этого кроется в том, что численность «тульских» на момент переселения в Россию существенно превосходила численность «тамбовских», т.е. носителей культуры у первых было больше. Это особенно сказалось, когда молодежь поехала на заработки. Один из информантов совершенно верно отметил последствия того, что духоборцы из-за внутренних расколов и противоречий не создали единого многочисленного компактного поселения: «Если бы все в одно место б приехали, Духобория бы подольше еще пожила. А так – нет» (ПМА 7). Для воспроизводства традиционного уклада жизни необходим полноценный организм с присутствием всех половозрастных групп и социальных связей.

Существовали и другие, не менее важные отличия между группами переселенцев, сказавшиеся на степени сохранности культуры. Старшее поколение – главные хранители культуры и религии – в Архангельском было представлено людьми 1920–1927 гг. рождения и трое 1903–1915 гг. рождения, тогда как в пос. Новый – это несколько женщин 1930-х гг. рождения, чьи взгляды сложились уже в советское время, которые закончили

хотя бы начальную школу и начали приобщаться к религии довольно поздно – уже в 1990-е годы. Они не пользовались репутацией «моляк» (набожных людей) и не имели того авторитета, как старики предыдущих поколений.

Важную роль в том, что «тульские» дольше сохраняли свои культурные особенности, сыграло и то обстоятельство, что они, желая воссоединиться с русским народом, были все-таки нацелены на сохранение своей общности и культуры.

Хотя движущей силой переселения первой волны были молодые мужчины, далекие от религии, не участвовавшие в культовой практике, однако на бытовом уровне они были включены в сообщество, вполне положительно оценивали его, в целом позитивно высказывались о перспективах существования духоборчества и верили в возможность сохранения того, что есть, и даже возрождения того, что когда-то было.

Когда движение за массовое переселение только начиналось, предполагалось, что уедут в Россию духоборцы всех селений, и инициаторы его поставили задачу добиваться поселения всех на одной территории, объединения их в едином сельсовете, как это было в Грузии, именно с целью сохранения духоборчества, как культурно-религиозного явления. В этих заявлениях, несомненно, присутствовало и стремление руководителей переселения привлечь на свою сторону старшее поколение, и доказать противникам переезда, что они постараются сохранить на новом месте духоборческое наследие. Хотя единого массового переселения не получилось, но первая партия выехала под этими лозунгами. И на начальном этапе адаптации эти установки худо-бедно, но работали. У «тамбовских» этого стремления не было даже на декларативном уровне.

Обремененные огромным количеством проблем, связанных с обустройством на новом месте, «тульским» духоборцам оказалось не до культурного наследия. Тем не менее, они все же создали общество «Возрождение», которое так и не приступило к работе, планировали организовать в селе музей, построить молитвенный дом. В некоторых головах даже бродили идеи создать в Архангельском копию Сиротского дома, но в итоге ограничились установкой вагончика, который до сих пор стоит в селе и используется для молений. Непродолжительное время в школе были факультативные занятия по изучению культуры духоборцев, и был создан маленький музей с привезенными из Гореловки экспонатами. Короткое время выходило приложение к районной газете «Заря», в которой публиковались небольшие статьи по истории и культуре духоборцев.

Духоборцы Архангельского приняли активное участие в создании в 1992 г. «Союза духоборцев России» (вначале он назывался «Объединение духоборцев России») и, несмотря на то, что эта организация мыслилась как общедухоборческая, призванная представлять интересы всех групп и содействовать сохранению культуры, постепенно она превратилась преимущественно в организацию «тульских» духоборцев, тем более что председатель Союза переехал из Москвы на жительство в Архангельское. В селе были проведены два съезда духоборцев.

«Союз духоборцев России» изыскал средства и выпустил красиво оформленный музыкальный альбом из двух пластинок, на которых были записаны духоборческие псалмы и народные песни. И это стало событием в культурной жизни всех духоборцев, поскольку, хотя и ненадолго, оживился их интерес к своей истории и традициям, а потом, по этим записям на спевках певчие стали разучивать псалмы. Все вышперечисленное немного затормозило процесс размывания духоборческой культуры, но не могло остановить его.

В далекой Джавахетии среди армян, от которых духоборцы старались дистанцироваться, их специфическая культура и религия играли роль мощной оборонительной стены, и каждое поколение по мере сил старалось поддерживать эту все равно потихоньку разрушающуюся линию обороны. В России они попали в культурную среду, которая отличалась, но не настолько сильно, чтобы воспринимать ее как чуждую и враждебную, поэтому необходимость держать дистанцию отпала сама собой. Смысл ее

вообще исчез, когда разрушилось коллективное хозяйство и люди устремились на заработки в Москву.

Традиционная культура, сформировавшаяся в эпоху коллективных форм хозяйственной деятельности и коммуникативной замкнутости, не может бытовать в постиндустриальном обществе. Культурно-информационная открытость страны, наступившая после смены политического режима, вовлечение населения, в том числе его самых маргинальных групп, в единое информационное пространство окончательно изменили ценностные ориентиры и без того уже практически разрушенного традиционного общества. Переселение духоборцев удесятило темпы утраты еще существовавших элементов традиционной культуры, но вовсе не инициировало начало процесса.

В 1990-е гг. после крушения социалистической идеологии многие русские бросились искать опоры в религии. Появлялись и исчезали разного рода секты и учения, но большинство ищущих обратились к православию. И казалось, что духоборцы как конфессиональная группа тоже используют религиозный фактор для поддержания своей идентичности. Однако духоборцы в силу целого ряда причин*, уже давно утратили свое изначальное вероучение и по традиции сохраняли внешнюю обрядность и культовую практику. Их религиозность из глубин человеческой души переместилась во вне и сконцентрировалась на внешнем, против чего изначальное выступали основатели секты, отказавшиеся от почитания и поклонения всему рукотворному и материальному (иконам, кресту, мощам, святым местам и пр.).

Привязанность к сакральным объектам на территории Духобории, связанным, так или иначе, с вождями (место жительства вождей – Сиротский дом, их некрополь – могилочки; пещерочки, где они бывали, курган, на котором молились и т.д.) или библейскими персонажами, стала важной чертой духоборческой культовой практики, и в советское время окончательно превратилась в содержание духоборческой религии. Выхваченная переселением из привычного пространства закавказской Духобории, конфессиональная культура духоборцев оказалась по сути выхолощенной и лишенной привязки и опоры.

Хранителями и носителями духоборческого мировоззрения и обрядности, религиозным ядром каждой общины-села была небольшая группа певчих. Общество делегировало им выполнение религиозных функций. Они следили за правильностью исполнения обрядов, прежде всего, похоронного, который просто не мог осуществляться без их участия, и были самыми уважаемыми в каждом селении людьми. Наиболее многочисленной и авторитетной была группа певчих Гореловки.

В с. Архангельское из старых, коренных певчих приехал только один старик, который, в целях соблюдения похоронного обряда, взялся обучать пению псалмов группу женщин, самым молодым из которых тогда было 45–50 лет. «Нам говорили: “Ну, давай, ну, давай собираться, – рассказывала одна из этих духоборок. – Наше всё пропадёт. Мы все-таки духоборцы. Ну, давайте собираться, давайте, чтоб продолжалось. Может, вдруг молодежь дальше пойдёт, за нами, за следом”» (ПМА 15). Потребовалось несколько лет, чтобы они освоили манеру пения, заучили тексты псалмов. Собирались на моления каждое воскресенье и на все праздники в вагончике, где развесили, как это было в Гореловке в Сиротском доме, красивые полотенца – утирочки.

* В соответствии с духоборческим учением, в руководителе секты пребывает Божий Дух, и он является лицом Троицы – Сыном Божьим, каким был И. Христос. Династия вождей пресеклась в 1886 г. со смертью бездетной Л.В. Калмыковой. Учение секты не было зафиксировано в письменном виде. Оно изложено в «псалмах», которые надо было уметь толковать. Все сакральные знания были достоянием группы наиболее авторитетных стариков. Остальные члены секты не были посвящены во все тайны учения. Отъезд 7,5 тыс. человек в Канаду, выезд более 5 тыс. человек в Сальские степи в 1920-е гг., аресты религиозной верхушки секты в 1930-е гг., – все это привело к утрате духоборческого учения.

Поначалу вагончик не вмещал всех желающих, но с самого начала с большим перевесом преобладали женщины. Постепенно, старшие уходили из жизни, кто-то «отстал», «заленился» ходить, а на смену почти никто не приходил. Давно уже в Архангельском духовоборцы перестали ходить на моления по воскресеньям и собираются в вагончике только по большим праздникам. Приходят в своей традиционной одежде. Число молящихся колеблется от пяти до двадцати человек, причем среди женщин бывает один или несколько мужчин, которые приходят скорее из желания поддержать традицию.

Молодежь никакого интереса к религиозной жизни не проявляет, да она в основном работает в Москве и вообще не интересуется духовоборчеством. Еще не так давно звучавшее гордое: «Мы – духовоборы!» сменилось удрученным: «Да какие мы духовоборы!?» Одна из певчих Архангельского в сердцах говорила: «Молодежь! Какие они духовоборы! Мы все духовоборы, а нас поймёшь?! Зараз несколько человек ходили пока в своей [одежде], а то всё бросили, всё, всё забыли, только: “Ох, надо закон охранять”. А как ты его будешь хранить? Молодежь, – они ни к чему. Мы подохнем, а они чаво? От своего стада отстал, а к другому не пристал» (ПМА 16).

Певчие Архангельского, круг которых постепенно сужается, до сих пор совершают похоронно-поминальный обряд в полном объеме, и этим их деятельность ограничивается. Они ходят по приглашению на похороны даже православных жителей села и поют духовоборческие псалмы.

В пос. Мирный тоже оказалась гореловская певчая, и к ней ходила на спевки небольшая группа женщин пожилого и среднего возраста. Они освоили наиболее востребованные псалмы и исполняют похоронно-поминальный обряд, собираются в домах на большие праздники: Рождество, Пасху, Троицу, периодически сходятся на спевки.

Переехавшие в пос. Новый певчие начали учиться петь еще в Гореловке в конце 1990-х гг. Освоить этот большой культурный пласт в сколько-нибудь полном объеме людям уже немолодым было очень сложно. Тем не менее, в Новом они совершают похоронно-поминальный обряд, но последние годы перестали надевать свой костюм на похороны, хотя около гроба, а потом на кладбище, где тоже совершается моление, надо непременно быть в духовоборческом костюме и, главное, – в духовоборческой шапке. На праздники в дом одной из них эти несколько человек еще приходят в духовоборческой одежде.

Некоторые жители отзываются об их пении пренебрежительно: «Какие тут певчие? Кто тут знает?! Ни завесь, ни весть! Там (в Гореловке – *С.И.*) они говорили: “Передние не будем, а за следом будем петь”. А сюда приехали, и не за кем за следом петь» (ПМА 2). «Тамбовские» певчие перестали собираться на моления по воскресеньям, а последние года два–три редко собираются в полном составе даже на праздники: «Праздник, под Пасху, собрались у Поли К–ой (это уже тут), трое было, – рассказывала певчая пос. Новый. – По четыре псалма прочитали, а Люба Д–на говорит: “Уже 12 человек прочитали³, и хвате нам”. Спели. Прочитали, помолились, похристосовались, яичками заменились. Все мы делали, как надо» (ПМА 17).

В Закавказье армяне привыкли и спокойно реагировали на появление в районном центре или в приграничных с Грузией селениях Армении духовоборок в красивых ярких костюмах: все знали, кто это такие. В России среди русских, непривычных к этому зрелищу, духовоборок в их традиционной одежде принимали за артисток из какого-то фольклорного ансамбля. На новом месте люди стали стесняться появляться вне села в своем костюме, а потом и вовсе отказались от него. Многие оправдываются тем, что эта одежда рассчитана на суровый климат высокогорья, а в Тульской обл. в ней ходить жарко.

Главная же причина того, что переселенцы отказались от ношения своего конфессионального костюма заключается в том, что для подавляющего большинства он давно утратил сакральное значение и стал восприниматься сами духовоборцами, как неуместный в современной жизни. «Когда мы жили среди нерусских, больше было

сплоченности и какие-то свои обычаи, а теперь растворяются. Уже всё. Там хотя бы внешне одежду надевали. Теперь не надевают», – констатировала жительница Архангельского (ПМА 13).

Поскольку певчие – это основа религиозной общины, то очень показательны те изменения, которые произошли в их среде. В 1990 г., когда гореловских певчих пригласили выступить в Доме композитора в Москве, они долго не решались, полагая, что петь псалмы и стихи на сцене да еще в духоборческих костюмах нельзя. Певчие Архангельского уже без всякого сомнения ездят на различные фестивали районного, областного и даже международного масштаба и исполняют в своих костюмах русские народные и авторские песни, религиозные стихи, а иногда и псалмы. У духоборцев костюм был необходимым при исполнении обрядов, и вряд ли кто-то мог представить, что когда-нибудь он превратится в сценический.

Фольклорный центр «Истоки» из г. Подольска с 1990-х гг. популяризировал исполнительское искусство «тульских» духоборцев, делал записи, перенимал их репертуар, хотя пение псалмов все-таки не освоил. Студенты Музыкального училища им. Гнесиных разучили псалмы и в 2013 г. спели их на сцене училища вместе с певчими Архангельского.

Поскольку духоборцы перестали надевать традиционные костюмы, а привезли их с собой из Закавказья, то за ненадобностью с конца 1990-х гг. они стали время от времени продавать их заезжим скупщикам, а лет пять–шесть назад центр «Истоки» массово скупил костюмы, и теперь в них выступают члены коллектива, правда, без духоборческих шапок. У некоторых духоборцев это вызывает возмущение: «Они одевают наши юбки и выступают. Эта самодеятельность. Поют наши песни. Раньше говорили, что наше уйдет, кто-то понесет, а нам в глаза наплюет. Они и корсеты, и юбки, занавески покупают. Они даже сюда приезжали с концертом, и наши песни пели, но переделанные. Именно наши стихи» (ПМА 14). «Подольские приезжают и поют здесь в общественном доме, – рассказывала одна из певчих. – Некоторые не довольны: “И песни все поотдавали, и стихи, еще и платю!”». Таким недовольным эта певчая возразила: «”Милые мои, вы хоть одеваете эту платю? Нет. Моль ест. А люди вот выступают. Сами всё побросали”». И далее продолжала: «И Поля эта в юбке, в штанах, и Ульяна, и то штаны одевает, брюки. Нехай все поют. Одежда будет где-то храниться. Она будет как символ духоборческий, кто понимает» (ПМА 18). Таким образом, «символ духоборческий» перешел в чужие руки.

В поисках идентичности

В 1990-е гг. средства массовой информации и РПЦ упорно внедряли в умы россиян, сильно отдалившихся от церкви за годы Советской власти, представление о том, что настоящий русский должен быть православным, и очень часто россияне семьями, а то и чуть ли не целыми селениями шли креститься с целью обретения или упрочения русской идентичности. Ускорившееся после переселения разрушение духоборческой культуры, а вместе с ней и духоборческой идентичности, неизбежно должно было сопровождаться поиском новой, и в данной ситуации она не могла быть иной, кроме как русской.

Сами духоборцы, не знающие своего учения, сводили его к отказу от крещения, священников, икон, храмов, и это уже не казалось им серьезным препятствием, отделявшим их от русских, которые массово бросились в храмы креститься и молиться.

В Советское время не принято было обсуждать, кто крещеный, а кто нет, поэтому духоборцы, уезжавшие в Россию в 1960–1980-е гг., чувствовали себя вполне нормально, и у них не возникало потребности и желания креститься. Случаи перехода в православие раньше среди них были редкостью, и такое обычно случалось с девушками, выходящими замуж за православных, если на этом настаивали родные мужа. В Гореловке подобные поступки однозначно осуждались, как нарушение заповеди «святых и праведных родителей». Жительница Архангельского вспоминала: «Мы в Армении жили. Мой муж

покойный, Андрей, был живой, и решили еще там детей покрестить. Ну, мы поехали в Гореловку и похвалились свекрови, что детей покрестим. Она: “Ни, ни, ни! Тогда чтоб вашей ноги у нас в доме не было”. И не схотела». (ПМА 19).

После переселения в Россию отдельные случаи крещения среди «тульских» духоборцев были в конце 1990-х гг. среди вышедших замуж за православных, тех, пока еще немногих, кто уезжал в Москву или тяжело болел. С начала 2000-х гг. переход в православие стал обычным явлением.

В архангельской средней школе с 2010 г. факультативно преподавали уроки православия, а с 2013 г. они вошли в программу. Никто из родителей-духоборцев не возражал, хотя можно было выбрать преподавание детям светской этики. Уроки православия ведет выкрестившаяся духоборка. Некоторые дети ходят в школу с крестиками. Одно время в администрации района и среди священников велись разговоры о том, что надо бы восстановить в селе разрушенную старинную церковь, а то «здесь сектанты живут, людей надо к вере приобщать». Остановило их отсутствие средств.

Аналогичный процесс перехода в православие в 2000-е гг. начался и среди «брянских» духоборцев. В 2009 г. всех поразил случай, когда дочь, сама уже перешедшая в православие, пригласила домой в Мирный священника, и тот окрестил ее, находившуюся в состоянии предсмертной агонии, мать. И особенно активно, если не сказать стремительно, переход в православие идет среди «тамбовских» переселенцев. Возможно, это связано с тем, что степень размытия духоборческой культуры у этой группы больше, а возможно, на них оказывается большее, чем на остальных, психологическое воздействие православных соседей, воспринявших их появление негативно. «Первое время на нас косо смотрели, – рассказывала жительница пос. Новый. – Вот я на почте сижу, а меня один мужчина спрашивает: “Почему вас называют духоборы?” А я говорю: “Потому что мы самые добрые люди”. Ну, я откуда знаю, почему меня называют! – “А чего вот вы ничего на шее не носите?” А я говорю: “Мы чистую душу носим”. Он: “Почему вы некрещеные?” – “Как это некрещеные?! Я даже сама, хоть маленький псаломчик, знаю, с детства вытвердила, еще маленькая была: Кто тебя крестил? – Отец и мать, третья благодать. Просто я рукой не крещусь. Я крещеная, – я говорю, – я такие пасаломчики читаю, я даже слышала, Кирилл этот... «Узрех» называется псаломчик⁴. Он тоже псаломчик читал. *Мы точно такие же*”. – “У вас Пасха есть?” – “А чо ж у нас Пасхи нет?” Ну, как это так! Они, наверно, думали, мы с хвостами, рогами и прыгаем по деревьям» (ПМА 12). В этом диалоге совершенно явственно просматривается стремление убедить собеседника, что духоборцы точно такие же люди, как и православные. Подобные допросы со стороны православных если и не обижают, то все-таки вызывают у духоборцев психологический дискомфорт от ощущения собственной инаковости, которая раньше, во время проживания среди армян, наоборот, культивировалась, а так же желание доказать, что они такие же: *«Мы всего-навсего не крещеные. А мы такие же, Христос у нас, Бог у нас также впереди, как в церкви»* (ПМА 7).

Болезненно духоборцы, как, впрочем, и молокане, воспринимают слово «секта», которое для них давно превратилось в оскорбление. Женщина средних лет из пос. Мирный говорила: «Откуда мы ушли, туда и пришли. И вообще, мне так не нравится слово “секта”. Когда это говорят: “секта”, если взять нас, вот духоборов, то какие вредные у нас есть привычки?! А люди воспринимают!» (ПМА 20).

В настоящее время практически все дети, подавляющее большинство молодежи и некоторые люди среднего возраста окрестились, правда, мало кто сделал это из религиозных побуждений и после крещения стал выполнять все установления православной церкви, но такие тоже есть. Последняя категория очень критически оценивает духоборчество. Одна из таких неофиток говорила: «А куда ушли духоборы? От чего ушли и к чему пришли? Сиротский дом превратили в храм. И подарочки все туда носили, и денежки все туда носили». На мое замечание, что за отказ от православной

церкви предки сильно пострадали, моя собеседница резко ответила: «А я их просила? Они за свою идею шли. Не за мою. Держаться (духоборческой веры – С.И.) из-за того только, что мои предки страдали? А моя душа от этого не крепнет, а наоборот, озлобляется, что крест у меня такой плохой!» (ПМА 21). Другой, человек уже далеко не молодой, выходец из Гореловки, долго живший в России, и собирающийся окреститься, говорил: «Вот так думаешь: ради чего надо было выдумывать какую-то секту? Духоборцы! Ну, зачем, зачем, зачем? Отреклись от всего. Весь мир, ну, дураки, а духоборцы самые умные? Так получается? Ну, в конце концов, это все уйдет куда-то, в небытие. И всё! А христианская вера, эта церковь, она уже останется навечно, и она никуда... Чего ради было отделяться, что-то выдумывать свое? Ради чего? Не понятно. <...> Ну, вот разница только в том, что попа ненавидели. Что христианская вера, что эта вера, – она одна и та же. Бог один и в него надо верить, ему надо поклоняться. А так ничего особенно разного». (ПМА 22).

Большинство крестится, если болеют или чтобы не заболеть, особенно это касается детей; чтобы чего-то не случилось; потому что снились плохие сны и батюшка посоветовал; Бог не давал детей или чтобы крещением снять наведенную порчу. Некоторые пытаются объяснить все нестроения, расколы в среде духоборцев и переселения как раз тем, что они отреклись от креста: «Может быть, это все от того, что мы креста не признаем, что мы крест не носим, кресту не поклоняемся?! Может это наказание нам какое-то?!» (ПМА 20). Естественно, что при таких мыслях через какое-то время человек пойдет креститься.

Люди старшего возраста, осознавая, что сделать ничего не могут, даже не препятствуют этому. Одна очень пожилая духоборка, у которой окрестилась внучка, говорила: «Что я буду лезть? Не креститесь! Я и слова не сказала. Хотят, нехай крестятся. Теперь как? Раз мы оторвались от сваво, а теперь куды пойдуть – пойдуть, и всё» (ПМА 23).

Родители пытаются оправдать своих детей, живущих в Москве среди православных: «Она (дочь информанта – С.И.) в Москве была всю жизнь, среди православных, и пришлось покреститься. Она спрашивалась: “Мам, можно?” Я говорю: “Ну, теперь не ты одна. Все. Как жалаешь!”» (ПМА 11). Другая жительница Архангельского, у которой дочь вместе со своей семьей окрестилась, говорила: «Живут среди русских. Как-то вроде не хотелось бы, а что сделаешь. Сын женился. Она крещеная была, и он покрестился, и сына окрестили. Дочь за калиновским (духоборец из Калиновки бывш. Троицкого – С.И.), а покрестилась». Эта моя собеседница поехала к дочери в Тулу и стала свидетельницей того, как зять с внучкой зашли в церковь, а потом при выходе внучка кланялась и крестилась. Женщина, по ее словам, обомлела, и между ней и дочерью состоялся такой диалог: «Мама, ты чо?» – «Таня, ну, как-то непривычно». – «Ну, что сделаешь, если мы живем среди этих людей. Какая разница: крещеный, некрещеный. Верим-то мы в одного Бога» (ПМА 14).

Молодежь часто даже не понимает, что крещение – это переход в другую веру, поскольку не знает своей, да и вряд ли она вообще исповедует какую-то веру. Молодая женщина, недавно окрестившаяся, заявила: «Ты от этого не перестаешь быть духоборкой, если ты покрестилась. Какая разница? (Но ведь духоборческая вера другая) Да, нет, та же самая вера, только не батюшка, а сам молишься» (ПМА 24).

Многие духоборцы высказываются за реформирование очень утомительного для родственников и очень затратного похоронного обряда, который пока еще держится, хотя и в нем все сильнее заметны признаки размывания. Собственно, в настоящее время вся традиционная обрядность свелась к похоронному обряду, сопровождаемому пением певчих. На наставление матери, как ее следует поминать в случае смерти, дочь посоветовала ей и отчиму: «Вот побыстрее покреститесь, хоть этой процедуры не будет». И родители задумались, съездили в Чернь, всё узнали, но никак не решаются: каждый раз что-то мешает и, убеждая, то ли меня, то ли себя, эта женщина говорила: «Это же ничего плохого. Пусть поют певчие, придут...» (ПМА 19).

Но вот тут как раз и возникает проблема: как хоронить окрещенного духоворца, по какому обряду? Обычно окрестившегося духоворца или духоворку отпевали в церкви заочно, а певчие в доме совершали весь духоворческий обряд. Был случай, когда священник приезжал и отпевал на дому, а после его отъезда певчие исполнили свой обряд. В 2014 г. в пос. Новый родственники умершей крещеной женщины пригласили священника и певчих. Начавших было читать псалмы певчих попросили не продолжать, поскольку священник запретил. Певчие были глубоко оскорблены и, в то же время, искренне скорбели о душе покойной, которой они не посулили Царствие Небесное. Этот случай пока что единственный, но, очевидно, не последний, и похоронно-поминальная обрядность, все еще объединяющая духоворческое сообщество, будет неизбежно угасать.

В связи с тем, что духоворцы переходят в православие, снят вопрос о возобновлении прекратившего свою деятельность после смерти его председателя «Союза духоворцев России», поскольку не понятно, кого эта организация теперь будет объединять и представлять. В Тамбовской обл. приехавшие переселенцы заикнулись было о регистрации духоворческой общины, на что официальное лицо ответило: «Вы уже граждане Российской Федерации и живите так, как все». Они не стали настаивать, тем более что среди них появилась группа баптистов.

* * *

Итак, с разницей в семь – восемь лет в Россию переселились три группы духоворцев из одного села. Каждая из них включала людей, не только знавших друг друга, но зачастую объединенных разного рода связями (родственными, соседскими, дружественными), и эти внутренние связи, несомненно, сыграли большую положительную роль, особенно на начальном этапе переселения и обустройства. Компактность поселения значительно облегчила психологическую адаптацию на новом месте.

В силу экономической и политической ситуации в стране в 1990-е гг. и отчасти в силу субъективных внутренних причин создать прочные коллективные хозяйственные структуры в России не удалось ни первой, ни второй партиям переселенцев, а третьей – изначально была уготована роль наемных сельскохозяйственных рабочих. Тот факт, что духоворцы вынуждены были искать работу на стороне, является показателем экономического неблагополучия в стране, а не свидетельством нежелания переселенцев работать в сельском хозяйстве или поменять место жительства.

Сравнительный анализ процессов, которые шли в культуре и религиозности каждой из трех групп затрудняется тем, что переселение происходило в разные исторические периоды, переживаемые не только Россией, но и Грузией. Однако очевидно, что численность и возрастной состав переселенцев, наличие в группе людей с высокой степенью вовлеченности в традиционную культуру существенно влияли на степень сохранности культуры и темпы ее размывания.

Наблюдая за процессами угасания духоворческой религии и культуры, не всегда возможно определить, что является результатом развития внутренних процессов в этой этнолокальной и конфессиональной общности, а что вызвано влиянием внешних факторов, но несомненно то, что последние 25 лет все внешние факторы работали на разрушение традиционной культуры, которая не вписывается в рамки постиндустриальной эпохи.

Индивидуализация жизни духоворцев, связанная с отсутствием коллективных форм сельского труда, отсутствие общественной жизни и приобщение людей через средства массовой информации к единой стандартизированной культуре сделало не востребовавшей в духоворческом сообществе их традиционную узко корпоративную и коллективистскую по своей сути культуру.

Во всех трех группах с момента переселения шел процесс отказа от традиций, обрядов, костюма, т.е. всего того, что отделяет духоборцев от православных русских в России. В настоящее время объединяет каждую из трех групп и всех духоборцев в целом родственные связи, общее «закавказское» прошлое и пока еще соблюдаемый практически всеми похоронно-поминальный обряд. Закономерно, что отказ от доминантных признаков сопровождается сменой идентичности и переходом в православие, что позволяет переселенцам почувствовать себя полноценными русскими. Приходится констатировать, что процесс ассимиляции духоборцев идет полным ходом, и точка возврата уже пройдена. Сейчас часто можно услышать известную китайскую мудрость: «Не дай Вам Бог жить в эпоху перемен», но рассматривая опыт переселенцев, надо признать, что еще хуже в эпоху перемен менять место жительства.

Примечания

¹ Духоборцы уверены, что если больные животные и были в частном стаде, то единицы, но чтобы не тратить время на выяснение, ветслужбы изымали всех коров и овец подряд.

² Духоборией духоборцы называли территорию восьми своих селений (Гореловка, Орловка, Спасское, Ефремовка, Троицкое, Богдановка, Тамбовка, Родионовка) с прилегающими надельными землями, расположенными в Ахалкалакском уезде Тифлисской губ. В советское время, после того как Богдановка превратилась в районный центр, а потом город с преобладающим армянским населением, и стали армянскими Тамбовка и Родионовка, в понятие Духобория включали первые пять из перечисленных селений.

³ На молении каждый читает один псалом, а трое собравшихся прочитали по 4 псалма, т.е. за 12 человек.

Имеется в виду патриарх Кирилл. Духоборческий псалом «Узрех» взят из Евангелия от Матвея, гл. 5.

Источники и литература

Иникова – Иникова С.А. Возвращение в Россию: миграционные процессы среди духоборцев Грузии в конце XX – начале XXI века // Вестник антропологии. 2015. № 4 (32). С. 80–102.

Лебедева – Лебедева Н.М. Эмпирическое исследование психологической адаптации переселенческих групп // Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. М.: ИЭА РАН, 1995.

ПМА 1. – Полевые материалы автора. Экспедиция в пос. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. М.П. Е. 1945 г.р., М.М. Е. 1949 г.р.

ПМА 2. – Полевые материалы автора. Экспедиция в пос. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. Л.И. П. 1944 г.р.

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в пос. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. П.В. Д. 1950 г.р.

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в пос. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. Г. А. 1974 г.р.

ПМА 5 – Полевые материалы автора. Экспедиция в пос. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. М.П. Е. 1945 г.р.

ПМА 6 – Полевые материалы автора. Экспедиция в пос. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. М.М. Е. 1949 г.р.

ПМА 7 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. А.А. Б. 1937 г.р.

ПМА 8 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2000 г. В.Т. Гололобов. 1920 г.р.

ПМА 9 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2005 г. А.М. Гончарова. 1911 г.р.

-
- ПМА 10 – Полевые материалы автора. Экспедиция в пос. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. И.А. С. 1948 г.
- ПМА 11 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. Д.П. М. 1937 г.р.
- ПМА 12 – Полевые материалы автора. Экспедиция в пос. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. Л. Д. 1955 г.р.
- ПМА 13 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. Т.И. Д. 1956 г.
- ПМА 14 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. П.И. Б. 1950 г.р.
- ПМА 15 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2003 г. Т.Т. Б. 1947 г.
- ПМА 16 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2003 г. А.А. П. 1928 г.р.
- ПМА 17 – Полевые материалы автора. Экспедиция в пос. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. П.В. Гончарова. 1935 г.р.
- ПМА 18 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. П.Ф. Б. 1947.
- ПМА 19 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. Н. Б. 1949 г.р.
- ПМА 20 – Полевые материалы автора. Экспедиция в пос. Мирный Клетнянского р-на Брянской обл. 2009 г. Т.В. Г. 1954 г.
- ПМА 21 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. И.В. К. 1969 г.р.
- ПМА 22 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. И.Ф. Б. 1941 г.р.
- ПМА 23 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. А.В. З. 1924 г.
- ПМА 24 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. И.В. А. 1991 г.р.
- ЧМА – Чернский муниципальный архив. Похозяйственные книги за 1992 г.

S.A. Inikova Transcaucasian Doukhobor migrants on the Russian land

The article is devoted to the investigation of the process in material and spiritual life of the Doukhobors, who left Georgia for their historical motherland Russia.

Keywords: *Doukhobors, culture, religion, identity, adaptation, assimilation*

⁴ Имеется в виду патриарх Кирилл. Духоборческий псалом «Узрех» взят из Евангелия от Матвея, гл. 5